

Гасимова Хаджар Адил гызы,

д.ф.п., доцент кафедры международного публичного права

Бакинского государственного университета

E-mail: hecer.qasimova@gmail.com

ORCID ID:0009-0006-2131-7738

Алиев Вюсал Этибар оглу,

магистрант кафедры международного публичного права

Бакинского государственного университета

E-mail: vusal.aliev.2027@mail.ru

ORCID ID:0009-0006-4247-4548

УДК 341.4

DOI: <https://doi.org/10.30546/2218-9130.007.2026.9094>

РОССИЙСКО-УКРАИНСКАЯ ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Açar sözlər: beynəlxalq hüquq, silahlı münaqişələr, jus ad bellum, jus in bello, BHH (beynəlxalq humanitar hüquq), aqressiya, dövlətlərin məsuliyyəti, beynəlxalq məhkəmələr, sanksiyalar, humanitar hüquq, Rusiya, Ukrayna.

Ключевые слова: международное право, вооружённые конфликты, jus ad bellum, jus in bello, МГП (международное гуманитарное право), агрессия, ответственность государств, международные суды, санкции, гуманитарное право, Россия, Украина.

Keywords: international law, armed conflicts, jus ad bellum, jus in bello, IHL (International Humanitarian Law), aggression, state responsibility, international courts, sanctions, humanitarian law, Russia, Ukraine.

Введение

Российско-украинская война стала одним из наиболее значимых событий XXI века, отразившихся на стабильности международной правовой системы и механизмах коллективной безопасности. События последних лет показали, что применение

силы как средство достижения политических целей вновь стало инструментом внешней политики, что ставит под сомнение эффективность существующих норм международного права — в первую очередь принципов суверенитета, территориальной целостности и невмешательства.

После Второй мировой войны мировое сообщество стремилось создать правовую основу, исключающую войны между государствами. Принятие Устава ООН (1945) закрепило фундаментальный запрет угрозы силой и её применения (статья 2, п. 4 Устава ООН) [1]. Тем не менее, практика последних десятилетий показывает, что система коллективной безопасности не всегда обеспечивает надлежащее сдерживание агрессии. Российско-украинский конфликт стал примером столкновения юридических принципов и геополитических интересов.

Исследование

Цель исследования — раскрыть юридическую природу конфликта и проанализировать применимость норм международного права к его регулированию.

Международно-правовые основы вооружённых конфликтов

Запрещение применения силы

Принцип запрета применения силы является центральным элементом всей архитектуры современного международного права [1]. Его значение выходит далеко за рамки простой договорной нормы: речь идёт о фундаментальном принципе, который обеспечивает существование международной системы как правовой, а не исключительно политической конструкции. В исторической ретроспективе эволюция данного принципа отражает постепенный отказ от признания войны легитимным инструментом внешней политики.

До середины XX века война рассматривалась как допустимый способ разрешения споров. Даже Гаагские конвенции начала XX века регулировали порядок ведения войны, но не запрещали её как таковую. Переломным этапом стал Пакт Бриана — Келлога 1928 года, провозгласивший отказ от войны как средства национальной политики. Однако отсутствие механизмов принуждения привело к тому, что данное обязательство не предотвратило агрессию 1930-х годов.

Создание ООН стало качественно новым этапом. Статья 2(4) Устав ООН закрепила универсальный запрет угрозы силой или её применения [1]. В отличие от прежних международных договоров, Устав установил систему коллективной безопасности, при которой применение силы допускается лишь в исключительных случаях.

Сравнительный анализ международной практики показывает, что интерпретация запрета применения силы неоднократно подвергалась испытанию. Например, военная операция НАТО в Косово в 1999 году была осуществлена без санкции Совета Безопасности [1]. Сторонники операции ссылались на гуманитарную необходимость

предотвращения массовых нарушений прав человека. Однако значительная часть международных юристов сочла данное вмешательство нарушением статьи 2(4), несмотря на его гуманитарную мотивацию. Этот случай стал отправной точкой для активного обсуждения концепции «гуманитарной интервенции».

Практика Международного суда ООН также занимает важное место в формировании понимания запрета применения силы. В деле «Никарагуа против США» Суд подчеркнул, что поддержка вооружённых группировок в другом государстве может квалифицироваться как нарушение запрета применения силы [4]. Тем самым было расширено понимание косвенной агрессии.

Дополнительное измерение проблемы связано с концепцией «Responsibility to Protect» (R2P), принятой на Саммите ООН 2005 года [1]. Данная концепция предполагает, что международное сообщество может вмешаться в случае массовых преступлений против населения. Однако применение силы в рамках R2P всё равно требует санкции Совета Безопасности. Таким образом, даже гуманитарные соображения не отменяют фундаментальный запрет статьи 2(4).

Сравнительный анализ демонстрирует, что каждое расширительное толкование самообороны или гуманитарной интервенции неизбежно вызывает опасения относительно эрозии базового принципа. Если государствам будет позволено самостоятельно определять наличие угрозы, система коллективной безопасности утратит своё значение.

Таким образом, запрет применения силы остаётся нормативной основой международного права. Его соблюдение является показателем устойчивости международной системы и доверия между государствами.

Международное гуманитарное право (МГП)

Международное гуманитарное право развивалось параллельно с эволюцией средств ведения войны. Если запрет применения силы направлен на предотвращение конфликтов, то МГП исходит из реалистичного предположения, что вооружённые столкновения всё же возможны, и стремится ограничить их разрушительные последствия.

Женевские конвенции стали универсальной основой гуманитарного регулирования [3]. Впоследствии Дополнительные протоколы 1977 года учли новые формы конфликтов, включая национально-освободительные движения и немеждународные вооружённые конфликты [3].

Сравнительный анализ конфликтов конца XX — начала XXI века демонстрирует возрастающую роль МГП. В Югославии 1990-х годов массовые нарушения гуманитарных норм привели к созданию Международного трибунала по бывшей Югославии. Этот прецедент подтвердил, что военные преступления могут быть предметом международного уголовного преследования [5].

В конфликте в Сирии широкое применение получили осадные тактики и удары по гражданской инфраструктуре [3]. Это поставило вопрос о пределах допустимого ущерба и применимости принципа пропорциональности. Аналогичные дискуссии возникают и в других современных конфликтах, где военные действия ведутся в густонаселённых районах.

Важную проблему составляет использование новых технологий. Беспилотники и высокоточное оружие теоретически позволяют снизить сопутствующий ущерб [3]. Однако на практике даже высокоточные удары могут приводить к гибели гражданских лиц. Возникает вопрос: должна ли технологическая воз-

можность минимизации ущерба повышать стандарт ответственности?

Дополнительный аспект связан с кибероперациями. Если кибератака выводит из строя больницу или электростанцию, следует ли рассматривать это как нарушение МГП? Большинство экспертов склоняются к утвердительному ответу, если последствия сопоставимы с физическим разрушением объекта.

Таким образом, можно сказать, что МГП может адаптироваться к новым вызовам. Однако эффективность его применения напрямую зависит от наличия механизмов контроля и привлечения к ответственности.

Ответственность за нарушение международного права

Вопрос ответственности является логическим продолжением запрета агрессии и норм гуманитарного права. Без эффективных механизмов ответственности международное право рискует превратиться в декларативную систему.

Государственная ответственность предполагает прекращение нарушения и возмещение ущерба [4]. Однако в практике международных отношений добиться реального исполнения этих обязательств бывает сложно. В этом контексте особое значение приобретают санкционные механизмы и коллективные контрмеры [8].

Сравнительный анализ показывает, что после Второй мировой войны концепция индивидуальной ответственности стала ключевым элементом международного правопорядка. Нюрнбергский и Токийский процессы заложили основу для персонализации ответственности [5]. Позднее международные трибуналы по Югославии и Руанде подтвердили, что даже высшие должностные лица могут быть привлечены к ответственности.

Создание Римского статута Международного уголовного суда стало институцио-

нальным оформлением этой тенденции [5]. Впервые был создан постоянный международный суд с универсальными амбициями. Особый интерес представляет преступление агрессии, которое долгое время оставалось вне чёткой регламентации. Кампальские поправки 2010 года уточнили его состав, однако механизм юрисдикции остаётся сложным и ограниченным.

Сравнение с практикой универсальной юрисдикции в национальных судах показывает альтернативные пути привлечения к ответственности. В некоторых государствах возможны расследования международных преступлений независимо от места их совершения.

Таким образом, современная система ответственности сочетает международные и национальные механизмы [4; 5]. Это создаёт многоуровневую структуру, направленную на предотвращение безнаказанности.

Российско-украинская война в контексте международного права

Истоки и развитие конфликт

Российско-украинский конфликт имеет сложные политические, исторические и правовые корни. Его истоки связаны как с распадом СССР и формированием государственности на постсоветском пространстве, так и с развитием международных норм, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности государств.

В 1994 году был подписан Будапештский меморандум, согласно которому Россия, США и Великобритания обязались уважать независимость и границы Украины [6] в обмен на её отказ от ядерного оружия. Документ имел важное политическое значение, однако его правовая природа впоследствии стала предметом дискуссий, поскольку он не предусматривал чётких механизмов принуждения.

События 2014 года, включая присоединение Крыма к России и вооружённое противостояние на востоке Украины, существенно обострили конфликт. В Организация Объединённых Наций данные действия были оценены как противоречащие принципу запрета применения силы [1], закреплённому в Уставе ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи 68/262 подтвердила поддержку территориальной целостности Украины [12].

В феврале 2022 года конфликт перешёл в стадию полномасштабных боевых действий. С точки зрения *jus ad bellum*, применение силы не было санкционировано Советом Безопасности и не подпадает под условия самообороны по ст. 51 Устава ООН [1]. Аргументы о защите населения не соответствуют международно-правовым критериям отсутствия непосредственной угрозы.

В целом конфликт демонстрирует ограничения механизмов коллективной безопасности и остаётся значимым примером для анализа взаимодействия *jus ad bellum* и *jus in bello* [1; 3], а также роли международных институтов и санкционных механизмов в урегулировании международных споров.

Юридическая оценка конфликта

Юридическая оценка российско-украинского конфликта требует анализа с точки зрения международного права [1; 4] как на уровне *jus ad bellum*, так и *jus in bello*. Основным критерием является квалификация действий России как акта агрессии в соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (1974) [2].

С точки зрения статьи 51 Устава ООН [1], самооборона возможна только в случае вооружённого нападения. Превентивная или «гуманитарная» самооборона, аргументированная защитой населения, не соответствует международно-правовым стандартам, поскольку не зафиксировано фактическое нападение

со стороны Украины на территорию России. Одностороннее признание независимости отдельных территорий также не создаёт правовой основы для применения силы.

Сравнительный анализ с Ираком (2003) и Косово (1999) демонстрирует тенденцию государств интерпретировать нормы международного права в своих интересах [1]. В случае Ирака действия коалиции основывались на гипотетической угрозе, а в Косово — на гуманитарной необходимости. Международная реакция была противоречива: одни государства поддерживали действия, другие — осуждали. Российско-украинский конфликт отличается тем, что широкая международная коалиция единодушно оценила действия России как нарушение Устава ООН.

С точки зрения *jus in bello* [3], российские военные действия также вызывают многочисленные вопросы. Нарушения международного гуманитарного права фиксируются в различных отчётах: удары по гражданской инфраструктуре, использование запрещённых боеприпасов, депортация гражданских лиц, в том числе детей. Эти действия могут квалифицироваться как военные преступления и преступления против человечности.

Международные судебные органы уже начали работу по этим вопросам. Международный уголовный суд в марте 2023 года выдал ордера на арест высших должностных лиц России по делу о депортации украинских детей [11]. Международный суд ООН рассматривает иск Украины о нарушении Конвенции о геноциде [9]. Европейский суд по правам человека объединил несколько межгосударственных жалоб против России. Все эти механизмы показывают, что международное право применимо и в условиях современного масштабного конфликта.

Сравнительный анализ с историческими конфликтами показывает, что современная

практика приведения к ответственности [4; 11] становится более универсальной. В отличие от случаев Югославии или Руанды, когда юрисдикция международных судов была ограничена, в случае Украины активны сразу несколько механизмов: международный, региональный и национальный.

Анализ доктринальных подходов подтверждает, что конфликт демонстрирует противоречие между нормативной и политической составляющей международного права [1]. Реальные политические интересы государства часто вступают в противоречие с юридической нормой, что подчёркивает ограниченность существующих инструментов принуждения.

В совокупности, юридическая оценка конфликта показывает, что действия России являются прямым нарушением международного права и могут влечь как государственную, так и индивидуальную уголовную ответственность [4; 5; 11]. Прецедент такого рода способствует развитию международного права, формированию новых стандартов юрисдикции и укреплению роли международных судов.

Международно-правовые последствия

Российско-украинский конфликт имеет широкий спектр международно-правовых последствий [12; 13], которые проявляются на трёх уровнях: дипломатическом, экономическом и уголовно-правовом.

Дипломатические последствия выражаются в международной изоляции России, осуждении её действий большинством государств и резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН [12]. Примером служат резолюции ES-11/1 и ES-12/1, которые осудили использование силы и потребовали вывода российских войск с территории Украины. Эти резолюции имеют рекомендательный характер, однако закрепляют коллективную позицию международного сообщества.

Экономические последствия проявляются через санкционные меры, введённые США, ЕС, Великобританией и другими государствами [8]. Санкции охватывают финансовую систему, торговлю, энергоносители и ключевые отрасли промышленности. С точки зрения международного права, такие меры классифицируются как мирные контрмеры в ответ на международно-противоправные действия. Анализ их эффективности показывает, что санкции служат инструментом давления без применения силы, но требуют длительного времени для достижения ощутимого результата.

Уголовно-правовые последствия включают привлечение к ответственности высших должностных лиц России [5]. Международный уголовный суд, ICJ и ЕСПЧ фиксируют и расследуют военные преступления, депортацию, нарушение прав человека и другие действия, квалифицируемые как международно-противоправные [9; 10; 11]. Этот многоуровневый подход позволяет не только фиксировать факты нарушений, но и формировать стандарты правовой оценки подобных конфликтов в будущем [5; 11]. Сравнительный анализ с конфликтами в Югославии и Руанде показывает прогресс в институционализации международной ответственности. В отличие от прошлых конфликтов, где привлечение к ответственности было замедленным и фрагментарным, международное сообщество реагирует быстрее и комплекснее, что укрепляет роль международного права в урегулировании вооружённых конфликтов [5]. Международно-правовые последствия также включают долгосрочные аспекты восстановления международного порядка. Например, создание специальных трибуналов и активизация национальных юрисдикций демонстрируют готовность мирового сообщества к усилению юридической подотчётности государств и от-

дельных лиц, что может стать прецедентом для будущих конфликтов [13].

Таким образом, последствия конфликта являются комплексными и многоплановыми: они охватывают политические, экономические и юридические аспекты, формируя новое понимание международной ответственности и демонстрируя, что международное право может и должно действовать даже в условиях масштабной войны.

Реакция международного сообщества и механизмы ответственности

Роль ООН

Организация Объединённых Наций с момента своего создания в 1945 году формировала ключевой механизм глобальной безопасности и поддержания международного порядка. Устав ООН закрепляет центральную роль Совета Безопасности в разрешении конфликтов и предотвращении международных агрессий. Согласно ст. 24 и 25 Устава, все государства-члены обязаны соблюдать решения Совета Безопасности, что делает его основным инструментом коллективной безопасности [1].

Однако российско-украинский конфликт выявил фундаментальные ограничения существующей системы. Россия, как постоянный член Совета Безопасности с правом вето, смогла заблокировать любые решения, направленные на санкционирование применения силы против себя. Это демонстрирует структурное противоречие: хотя Устав ООН провозглашает универсальные принципы, право вето позволяет постоянным членам обходить эти нормы [1].

Для преодоления подобных ограничений Генеральная Ассамблея ООН инициировала процедуры, позволяющие принимать резолюции даже при блокировании Советом Безопасности, включая резолюции ES-11/1 и ES-12/1. Они не носят обязательного характера,

но формируют выраженную международную позицию и создают политическое давление [12]. Сравнительный анализ показывает, что в конфликтах XX века — например, во время войны в Корее (1950–1953 гг.) или вторжения в Ирак (2003) — Генеральная Ассамблея также использовалась как инструмент выражения коллективного мнения, однако в случае Украины её роль приобрела беспрецедентный масштаб и демонстрирует возможность обхода процедур Совета Безопасности.

Дипломатические меры включают осуждение действий России, требование вывода войск, признание территориальной целостности Украины и непризнание оккупации Крыма. Эти действия создают международно-правовую основу для последующих санкций, судебных исков и других механизмов воздействия [12]. Кроме того, ООН координирует деятельность гуманитарных агентств, включая Всемирную продовольственную программу и Управление Верховного комиссара по делам беженцев, что позволяет смягчать гуманитарные последствия войны [7]. С точки зрения *jus in bello*, такая поддержка обеспечивает соблюдение прав гражданского населения и облегчает доступ к жизненно важным ресурсам. Несмотря на политические ограничения, роль ООН остаётся центральной: организация обеспечивает международную легитимацию действий, формирует правовую и политическую оценку конфликта, а также создаёт платформу для урегулирования споров через дипломатические, юридические и гуманитарные механизмы [1; 12].

Международные уголовные механизмы

Современные конфликты демонстрируют необходимость применения универсальных механизмов уголовной ответственности. Международный уголовный суд (МУС), основанный Римским статутом (1998), обес-

печивает судебную защиту от преступлений против человечности, военных преступлений, геноцида и агрессии [5].

Юрисдикция МУС в случае Украины активирована после признания Украины компетенции Суда согласно ст. 12(3) Римского статута. Это позволяет суду расследовать преступления независимо от членства государства в Статуте [5]. В марте 2023 года МУС выдал ордера на арест высших должностных лиц России, что стало беспрецедентным примером применения международного уголовного права к активным действиям государства [11]. Сравнение с прецедентами бывшей Югославии, Руанды и Ливии демонстрирует эволюцию подхода: если ранее процесс расследования и привлечения к ответственности занимал годы, сегодня скорость реагирования и комплексность подхода значительно выше. Кроме того, современные технологии, включая спутниковую съёмку, цифровые доказательства и социальные сети, позволяют фиксировать преступления в реальном времени [7]. Международные трибуналы и национальные суды также играют ключевую роль. Примеры: специальные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде продемонстрировали эффективность комбинированного подхода [5]. В случае Украины возможна комбинация национальной юрисдикции, международного уголовного суда и специализированного трибунала по агрессии, что создаёт прецедент многоуровневой ответственности [13]. Доктринальный анализ показывает, что развитие международного уголовного права сегодня ориентировано на универсализацию ответственности: даже высшие должностные лица, включая президентов и военных руководителей, не обладают абсолютным иммунитетом в вопросах военных преступлений. Этот подход усиливает роль международного права как инструмента сдерживания и укре-

пляет нормы *jus in bello* [3; 5]. Применение международных уголовных механизмов имеет и превентивный эффект: государства и руководители осознают, что нарушение международного права не останется безнаказанным, что повышает юридическую предсказуемость международных отношений и формирует практику соблюдения прав гражданского населения [5; 11].

Санкции и мирные контрмеры

Одним из ключевых инструментов воздействия на Россию стали санкции, введённые США, ЕС, Великобританией и другими государствами. Санкции охватывают финансовый сектор, торговлю, энергетику, транспорт и ключевые отрасли промышленности. С точки зрения международного права, они представляют собой коллективные контрмеры, направленные на прекращение международно-противоправных действий [4; 8].

Юридическая природа санкций остаётся предметом дискуссий: одни учёные считают их мирным принуждением в рамках международного права, другие — формой экономического давления, которая требует согласования с нормами ВТО и другими международными договорами. В любом случае, практическая эффективность санкций подтверждается сокращением доступа к финансированию и технологии, замедлением экономического роста и ограничением военной мобилизации [8]. Сравнительный анализ с предыдущими случаями, например, с санкциями против Ирана, Северной Кореи и России после аннексии Крыма в 2014 году, показывает, что санкции могут иметь долгосрочные последствия. При этом для их успеха необходимо соблюдение согласованности международной коалиции, прозрачного мониторинга и минимизации непреднамеренных гуманитарных последствий [8]. Важно отметить, что санкции выполняют не только экономическую функцию, но и по-

литическую: они формируют сигнал международного осуждения, укрепляют нормы *jus ad bellum* и демонстрируют коллективное неприятие агрессии [1; 8]. В сочетании с международными судебными механизмами санкции становятся частью комплексного инструмента правового принуждения, без применения военной силы [4; 8].

Перспективы правового урегулирования

Международное право предусматривает различные механизмы урегулирования конфликтов — переговоры, посредничество, арбитраж, международные трибуналы и санкции. В условиях российско-украинского конфликта их эффективность ограничена противоречиями интересов ведущих держав и использованием права вето в Совете Безопасности Организация Объединённых Наций [1].

Одним из обсуждаемых направлений является создание специального трибунала по преступлению агрессии против Украины. Такой механизм мог бы дополнить юрисдикцию Международного уголовного суда и способствовать укреплению принципа индивидуальной уголовной ответственности за агрессию [5; 13]. Перспективы урегулирования также связаны с долгосрочными дипломатическими инициативами — переговорами при международном посредничестве, мониторингом исполнения соглашений и санкционными мерами. Практика показывает, что правовые инструменты эффективны лишь при наличии политической воли и широкой международной поддержки [1]. Сделанный анализ позволяет сделать вывод, что конфликт показывает противоречие между юридическими нормами и политическими интересами государств. Нормы, закреплённые в Уставе ООН, Женевских конвенциях и Римском статуте, формально запрещают агрессию и обязыва-

ют защищать гражданское население, однако их реализация во многом зависит от баланса сил в международной системе [1; 3; 5]. Тем не менее международное право сохраняет значение как нормативный и институциональный ориентир. Международные суды, санкции и резолюции формируют рамки подотчётности и создают долгосрочный сдерживающий эффект. Конфликт актуализирует необходимость совершенствования механизмов коллективной безопасности, включая реформу процедуры вето и расширение возможностей международной юстиции [8; 11; 12; 13].

В долгосрочной перспективе предотвращение подобных кризисов требует не только укрепления правовых институтов, но и формирования устойчивой практики соблюдения международных обязательств, где право выступает реальным регулятором поведения государств.

Заключение

Российско-украинская война выявила противоречия между формальными нормами международного права и политическими интересами государств. В то время как Устав

ООН, нормы МГП и международные уголовные механизмы предоставляют чёткие рамки, их эффективность ограничена политической волей и структурными особенностями международных институтов.

Тем не менее, международное право остаётся ключевым инструментом оценки действий государств, обеспечения ответственности и предотвращения безнаказанности. Санкции, резолюции, международные трибуналы и дипломатические меры создают комплексный механизм воздействия, способный влиять на ход конфликта и формировать стандарты будущей международной практики.

Для укрепления международной системы необходимо совершенствовать судебные и санкционные механизмы, расширять компетенцию международных судов и повышать соблюдение принципов суверенитета и территориальной целостности. Российско-украинский конфликт станет важным кейсом для дальнейшего развития международного права и изучения способов правового сдерживания государств в XXI веке.

Список использованной литературы:

1. Устав Организации Объединённых Наций. – Нью-Йорк: ООН, – 1945. – с. 5–9.
2. Определение агрессии. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г. – с. 1–4.
3. Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы 1977 года. – Москва: Международный комитет Красного Креста, – 2018. – с. 25–67.
4. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния / Комиссия международного права ООН. – Нью-Йорк: ООН, – 2001. – с. 98–112.
5. Римский статут Международного уголовного суда. – Гаага: Международный уголовный суд, 1998. – с. 3–15.
6. Будапештский меморандум о гарантиях безопасности (5 декабря 1994 г.). – с. 1–3.
7. Доклады международных организаций о конфликте на Украине. – Москва: Институт международных исследований, – 2022. – с. 45–52.
8. Международные санкции в современном международном праве / под ред. А. В. Кузнецова. – Москва: Норма, – 2023. – с. 120–136.
9. Международный суд ООН. Дело «Украина против Российской Федерации»: официальные материалы и пресс-релизы. – Гаага, – 2022. – с. 7–12.
10. Европейский суд по правам человека. Межгосударственные дела против Российской Федерации. – Страсбург: Совет Европы, – 2023. – с. 15–24.
11. Международный уголовный суд. Ордер на арест В. В. Путина от 17 марта 2023 г. – Гаага: МУС, – 2023. – с. 2–6.

12. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по Украине (ES-11/1, ES-12/1). – Нью-Йорк: ООН, – 2022. – с. 1–5.

13. Предложение Европейской комиссии о создании специального трибунала по преступлению агрессии против Украины. – Брюссель, – 2023. – с. 9–18.

Qasimova Həcər Adil qızı,

h.ü.f.d, Bakı Dövlət Universitetinin

Beynəlxalq ümumi hüquq kafedrasının dosenti

Əliyev Vüsal Etibar oğlu,

Bakı Dövlət Universitetinin

Beynəlxalq ümumi hüquq kafedrasının magistrantı

RUSİYA–UKRAYNA MÜHARİBƏSİ VƏ BEYNƏLXALQ HÜQUQ

XÜLASƏ

Bu məqalədə Rusiya-Ukrayna müharibəsi beynəlxalq hüquq baxımından araşdırılır. Məqalədə silahlı münaqişələrin hüquqi əsasları, o cümlədən güc tətbiqinin qadağan olunması prinsipi, beynəlxalq humanitar hüququn normaları, habelə bu normaların pozulmasına görə dövlətlərin və fərdi şəxslərin məsuliyyəti təhlil edilir. Xüsusi diqqət Rusiyanın Ukraynaya qarşı hərbi müdaxiləsinin hüquqi qiymətləndirilməsinə, bunun beynəlxalq hüquqi nəticələrinə, BMT-nin mövqeyinə və reaksiyasına, tətbiq edilən sanksiya mexanizmlərinə, eləcə də münaqişənin hüquqi tənzimlənməsi perspektivlərinə yönəldilmişdir. Tədqiqat çərçivəsində tarixi münaqişələrin müqayisəli təhlili aparılmış, beynəlxalq məhkəmə presedentləri araşdırılmış və beynəlxalq məsuliyyət institutuna dair müasir yanaşmalar nəzərdən keçirilmişdir. Araşdırmanın nəticələri göstərir ki, beynəlxalq hüquq təcavüz aktlarını qiymətləndirmək və qarşısını almaq üçün əsas hüquqi vasitə olaraq qalır, lakin onun effektivliyi dövlətlərin siyasi iradəsi və beynəlxalq hüquq normalarının həyata keçirilməsi mexanizmləri ilə məhdudlaşır.

Gasimova Hajar Adil,

PhD, Department of International Public Law,

Baku State University

Aliev Viusal Etibar,

Master's student, Department of Public International Law,

Baku State University

THE RUSSIA–UKRAINE WAR AND INTERNATIONAL LAW

SUMMARY

The article examines the Russia-Ukraine war from the perspective of international law. It analyzes the legal foundations of armed conflicts, including the prohibition of the use of force, the norms of international humanitarian law, as well as the responsibility of states and individuals for violations of these norms. Particular attention is paid to the legal assessment of Russia's military intervention against Ukraine, its international legal consequences, the position and response of the United Nations, the mechanisms of sanctions imposed, and the prospects for the legal regulation of the conflict. Within the framework of the study, a comparative analysis of historical conflicts is conducted, international judicial precedents are examined, and contemporary approaches to the institution of international responsibility are considered. The findings of the research demonstrate that international law remains a fundamental legal instrument for assessing and preventing acts of aggression; however, its effectiveness is limited by the political will of states and the mechanisms for implementing international legal norms.

Redaksiyaya daxilolma tarixi: 07.06.2026

Təkrar işlənməyə göndərilmə tarixi: 15.07.2026

Çapa qəbul olunma tarixi: 15.07.2026